

Передо мной стояло два напичканных книгами пакета. Уголки переплетов дырявили полиэтилен тут и там. Все книги были одинаковыми, а я все сидела и тарашилась на них. Господи, их тут совсем немного. Где мне теперь найти остальные? Тема окликнул меня, едва появившись из прихожей, – как-то даже не заметила, что он вернулся.

– Ого, столько всего купила?

Мне хотелось что-нибудь ответить, но вместо этого защипало глаза, Тема как-то разом встретился, за пару больших шагов очутился рядом и стал неожиданно высоким и взрослым, обхватил меня руками и принялся качать из стороны в сторону. Баюканье было неловким, медвежьим, и от этого я расплакалась сильнее, чем ожидала.

Скучный был вообще-то день, я до этого ничего такого не делала: приехала к Лере, давно не виделись, начали говорить о вещах, которые раньше казались унылыми, для взрослых теток, – зарплата, аренда, болезни. Все было нормально.

– Слушай, у меня тут завалюсь. – Лера протянула гнутую полумесяцем замученную книжечку. – «Встретимся в Москве!» Написал какой-то парень-иностранец, был тут на стажировке... Вроде как раз в той же шарашке учился, что и ты, смотри, да? Давай, может, я тебе ее и отдам, самой сейчас вообще не до чтения.

Я сидела в автобусе, болтала ногами и перелистывала странички. Десять рассказов, плюс рецепты борща, хроника общажной вечеринки. И все не просто знакомое, а прямо такое, как мне помнилось: наша гардеробщица, периодически не работающий фонтанчик у одного из корпусов, студенческие общества. Закончив очередной рассказ, я, поколебавшись, заглянула в послесловие – и точно: парень учился на нашем курсе; ну, разные факультеты, неудивительно, что не пересеклись, фамилия совсем незнакомая. Москва у него получилась немного картонная, неживая, гриппозный сон про постсоветскость, в котором закончились балалайки и медведи, но и на замену ничего не подвезли. Я набрала Лере: «Ну такое», а спустя пару минут наткнулась в тексте на себя.

Поверить не могу. Я выбежала из автобуса на ближайшей остановке, чуть не забыв книжку, которую с размаху шлепнула на соседнее сиденье, и стояла теперь посреди улицы, не особо зная, что делать. В чужом тексте мы с Климом опять были вместе, и мне вдруг стало совсем нечем дышать. Надо было сосредоточиться. Я не заметила, как снова натянула рукава толстовки до самых кончиков пальцев, совсем как тогда, хотя на запястьях уже нечего было прятать. Его номер заблокирован. Его почтовый адрес в черном списке. И фейсбук. И телеграм, и вообще все соцсети. У меня, у Темы тоже. Все

в порядке. Никто сейчас не позвонит, не напишет. Правда ведь? Мне стало казаться, что все напрасно и я продолжаю быть уязвимой.

Я огляделась и через перекресток увидела вывеску сетевого книжного. Через десять минут все «Встретимся в Москве», что были в наличии, принадлежали мне. Так же случилось с еще одним книжным через квартал и еще с одним – я скупала их по всему району. Уже в такси мне пришло в голову оформить по сети доставку максимально возможного числа экземпляров на дом. Я заглянула в конец книги и посмотрела тираж.

Всю следующую неделю к нам домой приезжали курьеры, привозившие все новые тома. С каждым новым экземпляром я словно снова попадала в прошлое и смотрела на себя со стороны, но не могла ни помочь, ни предупредить – не слушай, не иди туда, не жалея его, жалея себя. Надо было спрятать всю эту историю как можно глубже, чтобы никто никогда не увидел и не узнал.

– Где их только нет. Это какой-то кошмар.

Тема, который на самом-то деле уже почти зашнуровался, перекатился на бок и хотел было меня обнять, но его рука упала на простыню: я лежала на самом краю и водила пальцем по корешкам книг, сложенных стопками на прикроватной тумбочке; такие же – значительно выше – загромодили стол, кресло, неустойчиво пошатывались у стен.

– Ты уже так много их собрала, милая. – Тема помолчал. – Где же мы будем их держать?

– Тебя именно это волнует?

Он вздохнул. Немного осуждающе, но, может, мне просто показалось.

– Ты же не можешь собрать их все?

Я перевернулась на спину в миллиметре от Теминой ладони и уставилась в потолок.

– Я не могу вот так взять и остановиться. Я вижу эту кучу книг и думаю, что все они могли бы оказаться не здесь, а где-то еще. Кто-то мог их читать прямо сейчас и видеть, что тогда произошло. Вдруг это будет кто-то из друзей? Или с работы? Как мне потом с этим жить?

И это была бы целая толпа людей. Мне представилось, сколько этих проклятых книг еще где-то там, непонятно где. Что, если я и правда не смогу их найти?

– Ну и что, если так? Там же наверняка непонятно, что это ты. Если бы ты не сказала, я бы и сам ни за что ничего не узнал. Да и вообще, ты же говорила, там не написано ничего кошмарного... Ну то есть понятно, что токсично, но...

Я села в кровати и посмотрела на Тему. Теплый перед сном – не надо было даже трогать, чтобы почувствовать, – в темноте он как будто слабо светился. Так-то кожа у него бледнющая. «Ничего кошмарного», потому что остального нет в книге, да и Теме я не особо смогла что-то рассказать. Может, только про то, почему перед нашим знакомством лежала в больнице. Чем больше я пыталась что-то вспомнить, тем более смутно виделась картинка.

– Всей этой истории вообще не должно было случиться, а теперь она напечатана мегатонной копией. Я так надеялась, что никто об этом не знал, а оказывается, все это время кто-то видел и наблюдал. А потом еще и превратил это все в дурацкую метафору чего-то там.

Раньше я долго не могла привыкнуть к тому, что он такой терпеливый. Теперь это ощущение вернулось. Он не в ярости? Почему так?

– Милая, хорошая. – Тема все-таки придвинулся поближе и пробормотал уже мне в бок: – Было и прошло, правда?

Чуть позже, когда свободное место начало заканчиваться даже в кладовке, я как-то совсем в шутку предложила поехать к маме, раз тут жить негде («Как раз отпуск же! Заодно и попутешествуем»), а Тема решил и правда попутешествовать, купил билеты, нашел какие-то чемоданы («А я бы с удовольствием посмотрел, как там, ты столько рассказывала»). Иногда я посреди каких-то повседневных дел замирала от ужаса: проехать почти две тысячи километров только потому, что не было сил от того, сколько этих книг дома и сколько их еще где-то там, – но было уже поздно. Мне сложно было потом смотреть Теме в глаза, но он рассказывал, как будет здорово: съездим туда, сходим вот сюда, на лошадях, в горы, еще и пещеры посмотрим. Раз – и эта поездка становилась вовсе не про мою ненужную драму, а про то, какие мы молодые и легкие на подъем. Взяли и тронулись с места, прямо вот так!

Поезд, тихо покачиваясь, тянулся через степь. Было непонятно, спит Тема или нет. Если спит, о чем думает? Ему досталась верхняя полка. Здесь не дома: ни обнять, ни спросить, ничего такого, просто лежишь и мучаешься. С другой стороны, можно и самой подумать о чем-то своем, представить, что и правда нет никакой беды, что я и правда еду навестить маму, а не зачем-то еще. Я положила ладони под голову, упершись левым локтем в стенку вагона. В незанавешенном окошке катилась луна – желтая, полная, и чем дальше мы ехали, тем гуще и слаще становился воздух и тем больше она стано-

вилась похожа не на грустное коньячное пятно или кусок скидочного сыра из «Магнита», а на домашний блин или, еще лучше, на беляш, пока наконец меня не сморило окончательно и она не превратилась в яркий засушенный букетик зверобоя, подвешенный над бабушкиной кроватью. Я заснула и во сне видела не взрослые несчастья и не Клима, который опять нашел меня, а солнечные кусочки детства. Одно прошлое, постарше, вытеснило другое.

Мама выпроводила меня гулять – все как раньше, вот это «Чего ты летом будешь в духоте в комнате сидеть», – и я наткнулась на еще один книжный. Он занял бывший Дом пионеров и с трудом ассоциировался с какими-то столичными тревогами. Я постояла перед дверью и подумала, а не уехала ли я от проблемы; в конце концов, можно просто зайти поискать почитать что-нибудь в отпуск. На большом стенде прямо перед кассой стояла целая стопка «Встретимся в Москве». Как будто бы этого было недостаточно, рядом возвышалась табличка с красочным постером. Господи, этого же быть не может, откуда они здесь? Может, и мама уже видела? От этих книг было буквально не спрятаться. Может, и не видела, потому что тогда вряд ли бы стала говорить со мной как всегда. Каково было бы маме, узнай она правду про нас с Климом?

Я прошла под окнами маминой квартиры на первом этаже и увидела, как Тема сидит прохладается в гостиной. Тихонько постучала в открытую форточку. Услышал? Нет, подошел только после маленького камушка, подкинутого с большим трудом и приземлившегося прямо возле его тапок. Я зашептала, сама не очень представляя, что мне делать с этой информацией:

– Там этих книг целый стенд.

Тема не сразу сориентировался:

– Чего? А. Ну и фиг с ними, правда? А ты чего булыжниками кидаешься, как бандит? Можно же было просто позвонить.

– Ой. Я как-то не подумала.

– Давай заходи, мы тут с твоей мамой пирожки лепим.

Мама с порога выдала мне затертый, в несмысленных пятнах от черносморидинного варенья фартук.

– Вот так края защищивай, поплотнее.

– Да я защищиваю, мам...

Она довольно заулыбалась:

– Ну вот, смотри, какой красивый получился. А то все какие-то грустные пирожочки у тебя.

Я съерничала:

– Эх, матушка, так и жисть у меня тяжелая.

Она отряхнула руку от муки и обняла меня – крепко-крепко, упреву подбородок в макушку; стой я с ней рядом, а не сиди на каком-то детском стульчике, ей бы уже не хватило роста. Тема шелкнул меня по носу, измазав его тестом. В магазине стоял на стенде сборник чужих рассказов, который ничего для них не значил.

– Бедная моя Нюточка, настрадалась. Скажи, чего не так?

– Да... Книжку дурацкую прочитала просто.

